

Колдовские
МИРЫ

АННЫ ПЛАТУНОВОЙ

АКАДЕМИЯ
ТИРН-А-ТОРН

БАЛЛАДА ПЕПЛА И ЛЬДА

**ДОЧЬ ПРЕДАТЕЛЯ.
БАЛЛАДА ПЕПЛА И ЛЬДА**

**ЧУЖАЯ НЕВЕСТА.
БАЛЛАДА ПЕПЛА И ЛЬДА**

АННА ПЛАТУНОВА

БАЛЛАДА
ШЕПЛА
ИЛЬДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Иллюстрация *И. Косулиной*

Платунова, Анна Сергеевна.

ПЗ7 Баллада Пепла и Льда / Анна Платунова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-233316-3

В академии Тирн-а-Торн выживают не все. А если ты дочь предателя, погубившего множество жизней, шансы уцелеть стремятся к нулю. Сильнее всех меня ненавидит наш командир звена — холодный, надменный тип, которому я дала прозвище Лед. Да только он плохо знает Алейдис Дейрон. Я докажу, что уничтожить меня не так-то просто. Преодолею все испытания и все трудности. Главное — устоять перед магией льдисто-голубых глаз...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233316-3

© Платунова А.С., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

1

— Империи нужен ваш дар!

В центре амфитеатра возвышался человек в черной одежде, чье застывшее лицо было будто выточено из куска гранита. Он давно разучился улыбаться.

— У каждого из вас, кто смотрит на меня сейчас. У каждого, кто испуган, вырван из семьи или же, наоборот, пришел сюда добровольно, он есть!

Он обвел взглядом поднимающиеся ступенями ряды кресел, и я невольно последовала его примеру. Мне придется провести с этими людьми три года обучения и... Я знала, что не все доживут до выпуска. Академия Торн-а-Тир не прощала ошибок и слабости, не верила слезам. Она превращала вчерашних детей в воинов, безжалостно сдирая с них мягкую кожу и заменяя ее броней.

Рядом со мной беззвучно рыдала, спрятав лицо в белоснежный носовой платок, светловолосая девочка. Ее длинные волосы вились локонами. Еще вчера утром горничная помогала ей одеться и причесаться, на завтрак изнеженному цветочку подавали тончайшие вафли с паштетом из голубиной печени; перчатки из атласа и сейчас оберегали руки от цыпок. Вот только очень скоро, буквально

через час, ей придется снять перчатки и шагнуть в бездну.

Почувствовав мой взгляд, соседка подняла голову и поглядела на меня, ожидая сочувствия. Я отвернулась.

— Не стану скрывать, что обучение в Академии Торн-а-Тир станет суровым испытанием для каждого из вас. Однако вы и так это знаете! — Голос ректора, мейстера Кронта, усиленный артефактом, приколотым к вороту, достигал самых отдаленных уголков зала. — Кому-то придется проще, кому-то ноша покажется непосильной, но иного пути нет. Раскрытие дара требует ежедневного труда, пота, боли, слез и подчас крови.

Нежная фиалка, сидящая по правую руку от меня, после этих слов вздрогнула и зарыдала еще пуще.

— Заткнись! — прошипел парень, мой сосед слева. — Без тебя тошно!

Если белокурая девчонка принадлежала к высшему сословию, широкоплечий юноша с простым, плоским как блин лицом явно был выходцем из низов. Об этом кричала потертая кожаная куртка, пропахшая дымом и рыбой, обветренная кожа, мозолистые руки, которые сейчас вцепились в подлокотники. Сын рыбака? Скорее всего. Даже не скажешь, что ему недавно исполнилось восемнадцать, как всем нам: он выглядел на все двадцать пять. Однако он был нашим ровесником. Перепуганным мальчишкой, который старательно скрывал страх за грубостью.

Интересно, какой у него может быть дар? Разрушать стены одним ударом кулака? Создавать земляных големов? Повелевать ветрами? На самом деле

внешний вид никак не мог подсказать, какие способности дремлют в человеке. Судьба весьма причудливо раздавала свои дары. Фиалка вполне могла оказаться сокрушителем, а брутальный сын рыбака — обладать целительской силой. А кем стану я? Я тряхнула головой, выбрасывая бестолковые мысли. Какой смысл гадать? Кем-то стану. Если доживу.

— Меня зовут Веела, — прошептала фиалка. — А тебя?

Она надеялась найти во мне подругу? Зря. Однако отец всегда говорил, что при малейшей возможности надо обзаводиться соратниками, а не врагами. Так выжить проще, а я планировала выжить.

— Ала, — представилась я сокращенным именем. Повернулась к парню, коротко кивнула: — А тебя?

Сильный сын рыбака мог пригодиться на первом испытании, которое начнется вот-вот, как только мейстер Кронт закончит речь.

Парень скривил в усмешке рот.

— Думаешь, понесу тебя на закорках? Не надейся!

— Я не надеюсь, — ответила я без улыбки, без этих обычных девчоночьих ужимок: я попросту не умела кокетничать. — Но в команде проходить испытание легче.

Моя серьезность его убедила, он кивнул и представился:

— Ронан.

Прищурившись, оглядел меня без тени смущения. Да и я не ступевалась под его пристальным взглядом, дала себя рассмотреть.

— Что у тебя с волосами? — нахально спросил он. Я ждала этого вопроса и не удивилась.

— Это седина.

Знаю, я выглядела необычно со своим цветом волос, он сразу бросался в глаза: в темных прядях сквозили тонкие белые нити. Казалось, что моя голова припорошена пеплом. Пепел. Вот что сделала со мной непрекращающаяся война. Она оставила следы не только в моей душе, но и на моем теле.

Я незаметно пошевелила плечом, разминая его. Утром я крепко-накрепко стянула сустав полосками ткани и надеялась, что на первом испытании нам не придется пробираться по коридорам, цепляясь руками за висящие под потолком кольца.

Каждый год изобретали новые испытания, никто заранее не знал, что нам уготовано. Меня, честно сказать, удивляла такая необходимость. Мы все отобраны. Мы не можем отказаться.

Едва юноше или девушке империи Пантеран исполнилось восемнадцать лет, к каждому из них являлся *Иициций*. Люди в серых плащах и капюшонах, скрывающих лицо, приходили к детям в кошмарных снах. Матери молились Всеблагому, чтобы у их ненаглядных, выпестованных чад не обнаружилось дара.

Да и можно ли считать даром то, что навсегда вырвет тебя из семьи, заставит страдать, сделает изгоем... Стоило бы назвать дар проклятием. Так честнее.

— Сейчас в этом зале находятся сто сорок два человека. — Ректор подходил к финалу приветственной речи. — Сто пять юношей и тридцать семь девушек. Каждый из вас бесценен. Однако

я не могу поручиться, что до конца обучения доберутся все.

И эти слова мастера Крона не означали: «будут отчислены», они значили: «будут мертвы».

— Вы должны скрепить свое сердце и с достоинством принять свою судьбу.

Веела застонала. Да уж, таким нежным цветочкам придется тяжелее всего. А ведь никто и внимания не обратит на ее истерику — запихнут в лабиринт и закроют дверь. По статистике, два процента одаренных даже не успевают начать обучение — погибают на первом же испытании.

Я стиснула запястье Фиалки и отчеканила:

— Немедленно вытри слезы и возьми себя в руки. Давай. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Веела уставилась на меня доверчивыми наивными глазами. Проклятие, зачем я взвалила на себя эту обузу? Придется теперь в лабиринте не отходить от нее ни на шаг. У этой овечки нет шансов самостоятельно добраться до выхода.

— Я буду рядом, — протолкнула я сквозь зубы, будто выругалась.

2

Поток одаренных выплеснулся из арки амфитеатра и потек вниз по винтовой лестнице. Мы шли медленно. Будущие студенты академии Торн-а-Тир растерянно озирались, переглядывались. Многие до сих пор не верили, что все происходит с ними на самом деле, а не в кошмарном сне.

От кирпичной кладки тянуло сыростью и морозным холодом. Стояли первые дни жнивения, сухие и солнечные, и воздух еще пах летом и радостью, но здесь, в древних стенах академии, словно наступила зима. Или, скорее, здесь она не заканчивалась.

У подножия лестницы нас встречали студенты второго курса, подтянутые и суровые парни с деревянными планшетами в руках. Они распределяли нас по группам, чтобы выстроить у одной из десяти дверей, ведущих в лабиринт.

Одаренные без сопротивления подчинялись, вставали на указанные места. Кто-то с ужасом тарасился на обитую железными полосами дверь, кто-то пытался завязать разговор, но слова в этом промозглom и пугающем подземелье казались лишними и неправильными.

— Туда! — указал Вееле высокий второкурсник с ежиком коротко стриженных волос. Окинул быстрым взглядом меня. — Тебе к той двери.

Фиалка посмотрела на меня и задрожала.

— Мы вместе, — сказала я, за локоть выдергивая ее из толпы. — Это не запрещено правилами.

— Откуда тебе знать, что запрещено, а что нет? — хмыкнул встречающий. — Хорошо, идите вместе.

Я оглянулась, выискивая взглядом Ронана. Раз уж мы решили организовать временный союз, надо держаться вместе до конца. Я незаметно показала ему семь пальцев: я успела посчитать, что нас распределяют к дверям по очереди. Для того, чтобы попасть в нашу группу, Ронану следует пропустить вперед семь человек. Тот кивнул, но без особого энтузиазма. Что же, если он собрался проходить

лабиринт в одиночку, — его право. Тем более что Веела в команде — слабое звено. Я злилась на себя, что поддалась сочувствию.

Одаренные сгрудились у двери лабиринта. Пользуясь передышкой, я оглядела себя с ног до головы. Наклонилась, чтобы ту же затянуть шнуровку на высоких ботинках с толстой подошвой. Они крепко охватывали ногу и сидели как влитые. Кожаная куртка застегнута под горло, плотная кожа должна защитить от порезов и ударов. Брюки, наоборот, сшиты из тонко выделанной, гладкой кожи, чтобы не стеснять движений и не цепляться за камни и ветки. Из косы выбилось несколько прядей, поэтому я заплела из них небольшую косицу и заправила за ухо.

Моя одежда имитировала форму студентов академии Торн-а-Тир. Я знала, к чему готовиться. В отличие от десятков растерянных одаренных. Одни явились в повседневной одежде, другие нарядились, точно собирались на званый ужин, а не на испытание.

Я невесело хмыкнула, оглядев Веелу. На голых ногах атласные балетки с тонкими подошвами. В таких туфельках только в экипаже ездить, а не по подземелью бегать. Длинное платье, зашнурованное на спине, — ясно, что Фиалке помогли его надеть. Распущенные волосы. Это никуда не годится. Если с обувью и одеждой ничего поделаться нельзя, надо хотя бы позаботиться о прическе.

— Заплети косу, — скомандовала я, вынимая из кармана куртки полоску ткани: оставила на всякий случай. Вот ей и нашлось применение.

— Я не умею, — пискнула Веела, готовая вновь залиться слезами.

Я потушила в себе вспыхнувшее раздражение. Я сама предложила помощь. Поздно отказываться.

— Повернись!

Мои пальцы быстро разделили белокурые локоны на пряди. Волосы Веелы успели запутаться во время поездки, я дергала и тянула, не обращая внимания на пiski: ничего, потерпит. Хуже будет, если она зацепится волосами и сдерет с себя скальп.

Я плела тугую косу и снова злилась. Теперь уже не на Фиалку, а на попечителей Академии. Почему нельзя заранее предупредить насчет одежды? Чтобы сподручнее было нас убивать в первый же день?

Хоть обыватели и боялись зловещей академии Торн-а-Тир, мало кто знал, что на самом деле происходит в ее стенах. Ходили страшные слухи и легенды, но невозможно было понять, где правда, где ложь.

Я знала, чего следует ждать, благодаря отцу, который когда-то окончил Академию с отличием. Дар редко передавался по наследству, это скорее исключение из правил. Мне повезло. Такое себе везение, если честно...

Разобравшись с прической Веелы, я отыскала глазами Ронана. Тот был собран вполне сносно: куртка, брюки, потертые, но удобные высокие сапоги. За плечами рюкзак. Вот от него стоило бы избавиться. Все равно, как только мы выйдем на той стороне, кураторы отберут у нас личные вещи, чтобы вечером сжечь их в огромной печи.

Но если я скажу об этом сыну рыбака сейчас, он все равно меня не послушает. Поэтому я махнула рукой: рюкзак не сильно мешает, а если станет помехой, Ронан и сам бросит его.

— Чего нам ждать? — прошептала Веела.

Она устала рыдать и бояться, стояла бледная, безвольная и готовая сдаться. Я размахнулась и ударила ее по щеке. Вполсилы, чтобы разозлить и привести в чувство. Фиалка вскрикнула и захлопала синими глазами, прижала ладонь к расплывающемуся на нежной коже следу от удара.

— Вот этого, — жестко сказала я. — Непредсказуемых ударов и боли. Хочешь выжить?

— Д-да...

— Тогда хватит жевать сопли! Если ты упадешь, я тебя не понесу. Если устроишь истерику, успокаивать не стану. Поняла?

Веела испуганно закивала, а Ронан взглянул с удивлением, но будто бы и с толикой уважения.

— Какая у нас тактика? — поинтересовался он.

Я пожала плечами. Какая может быть тактика, если мы пока не знаем, что нас ждет в переходах лабиринта? Ядовитые твари? Ледяной дождь? Придется импровизировать на ходу.

— Держимся вместе.

3

Сквозь группу одаренных, замерших у двери, протолкался второкурсник. Он вытянул из-под куртки толстую цепочку, на которой болтался медный ключ — тяжелый, с ладонь величиной. Подумать только, Академия Горн-о-Тир заполнена магией от подвалов до верхних этажей башен, а двери в лабиринт откроют обычным ключом.

Парень — тот самый, короткостриженный, — со скрежетом провернул ключ в замочной скважине, и по ряду ожидающих своей участи одаренных пронесся тихий стон. Я сцепила зубы и не издала ни звука.

— Ну что, птенчики, готовы к тому, чтобы вылететь из гнезда? — усмехнулся он и окинул нас циничным взглядом. — Надеюсь, зайдете сами и никому не придется давать пинка под зад?

— Как бы я тебе пинка под зад не дал, — пробасил один из одаренных — крупный, полный парнишка, самый высокий из нас — и вышел вперед.

— Имя! — приказал второкурсник, занося карандаш над листом, приколотым к планшету.

— Зачем?

— На тот случай, если твою задницу выволокут из лабиринта бездыханной, — хмыкнул тот. — Мне-то без надобности. Пока ты лабиринт не прошел, ты и за человека считаться не можешь, понял, толстяк?

Одаренный скрипнул зубами, но не стал лезть в бутылку, понял, что связываться со второкурсником при исполнении обязанностей себе дороже.

— Атти Галвин.

Острие карандаша накорябало имя. Второкурсник толкнул дверь.

— Иди вперед. Твоя задача — выйти на той стороне.

— Удачи! — пискнула Веела.

Атти слабо улыбнулся ей и шагнул за порог.

— Следующий!

— Я найду и буду ждать за дверью, — прошептала я Фиалке.

— А так можно? — испугалась она.

— Они не предупреждают, но правилами не запрещено создавать команды. Ронан, тебя тоже дождемся!

Сын рыбака кивнул.

Один за другим одаренные называли свои имена и ныряли в черный зев лабиринта. Из проема веяло ледяным холодом и доносился легкий гнилостный душок. Каждый раз, когда открывалась дверь, Веела переставала дышать и прикладывала к носу измятый платочек. Вот дурочка, право слово. Как она намеревается дышать в лабиринте? Лучше бы ей привыкать уже сейчас.

Второкурсник записал имя щуплого рыжего паренька — Барри Кон — и толкнул створку, чтобы впустить его, когда из глубины лабиринта донесся приглушенный девичий вскрик. Следом отчаянное: «Помогите! Помогите!», оборвавшееся так резко, будто кто-то зажал несчастной рот. Сердце бухнуло и упало куда-то в желудок. А ведь я была готова! Думала, что готова...

Веела из бледной сделалась серой, как застиранная простыня, у Ронана вытянулось лицо. Я укусила себя за щеку изнутри. Я ничем не покажу слабости.

Барри замялся на пороге, озираясь в поисках поддержки, но куратор не стал дожидаться, пока он наберется храбрости, — втолкнул его в лабиринт и закрыл дверь.

— Следующий!

Надо решаться! Буду оттягивать неизбежное — растеряю остатки смелости.

Я ободряюще кивнула Вееле: «Я дождусь тебя!» — и вышла к двери.